

Т.В. Соловьева (ГАСО)

ПЛАН ГОЭЛРО И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО УРАЛА В 1920-е гг.

Современные исследователи¹ очень четко и весьма однозначно прослеживают взаимосвязь Плана ГОЭЛРО (1921 г.) и районирования Урала 1923 г.: создание Уральской области традиционно оценивается ими как часть реализации первого комплексного плана развития народного хозяйства республики — плана электрификации². А высокие темпы развития промышленности в период существования области соотносят с модернизацией системы управления промышленностью и регионом, мероприятиями новой экономической политики, и т.д.

Проект ГОЭЛРО содержал три основные идеи: электрификации производства на основе местного топлива³, магистрализации транспорта и экономического районирования. Осознавая необходимость скорейшей модернизации страны, при дефиците времени, средств и нехватке рабочей силы, большевики через призму марксистской идеологии попытались комплексно решить эту проблему: технологически усовершенствовать промышленность за счет создания электростанций около топливных месторождений и перераспределения энергии по линиям электропередач (а не перевозки торфа, угля, леса) в рамках регионов⁴ (связывать всю страну ЛЭП тогда не было смысла). Кроме того, рассматривалось использование торфа как местного источника энергии. Таким образом, электрификация должна была охватывать экономические районы, с одной стороны, самодостаточные, с другой — специализированные в рамках единого народнохозяйственного комплекса. Одним из 8 таких районов, по плану электрификации, был Уральский район в составе 12 округов с опорой на 3 паровых электростанции, работавших на каменном угле (Кизеловская, Челябинская и Егоршинская) и одну гидроэлектрическую (Чусовскую)⁵. Мощный экономический потенциал региона должен был подкрепиться административным ресурсом создания Уральской области в 1923 г.

Но сложно сказать, что область создавалась и развивалась в соответствии с планом: 1) ее территория на юге и севере значительно отличалась от Госплановского проекта (не были включены территории БАССР вместе с Белорецким заводом, но присоединен Тобольский Север), что нарушало проект единой энергосети Урала. В результате сразу в 1924–1925 гг. начинается пересмотр плана электрификации с учетом новых обстоятельств. Например, необходимо было внести в план элек-

трификации строительство станции на торфяниках близ Екатеринбурга, начавшиеся в 1923 г. 2) Под влиянием НЭП электрификация получила местный характер. В конце 1921 — начале 1922 г. на местах стали возникать акционерные общества со смешанным капиталом, кооперативные товарищества по электрификации, которые концентрировали в своих руках строительство и эксплуатацию небольших энергетических объектов мощностью не более 500 кВт. На Урале такими были Ишимская городская электростанция, Ординская станция Кунгурского округа и др.⁶ 3) Судя по данным Перечня работ по пересмотру плана ГОЭЛРО 1924 г., электрификации должны были подлежать районные города: 38 из 208 районных центров. После пересмотра плана электрификации Урала в 1928 г. планировалось изменить районную сетку: к примеру, вместо 14 районов Кунгурского округа создание 8 районов для всесторонней проработки по принципу энергетического районирования⁷. Иными словами, предусматривалось укрупнение районов, что так же сочеталось с начавшейся коллективизацией и организацией более крупных, чем районы, колхозов («Гигант»). Таким образом, электрификация вновь оказалась в тесной связи с административно-территориальным устройством Урала.

В 1930 г. энергосектор Уралплана сделал вывод о том, что все электроснабжение Урала базировалось исключительно на локальных станциях предприятий, т.е. план районной электрификации как в части построенных станций и линий передач, так и в части кустования и кооперации не выполнялся⁸.

К 1930 г. по всему Уралу существовали всего 3 куста: Калатинский, объединяющий работу 3-х станций, общей мощностью 11 000 кВт; Челябинский (3 станции, 3 000 кВт); Пермский (3 станции, 10 000 кВт). Все остальные станции работают разъединено. Таким образом, программа ГОЭЛРО «А» (программа реконструкции уже существовавших электростанций) оставалась на Урале невыполненной⁹.

Районных станций на Урале можно считать полторы: Губахинская, которая с 1921 г. строилась на 60 000 кВт, а построена на 6 000, и с 1925 г. обслуживала лишь одни угольные копи; Егоршинская (10 500 кВт), находящаяся в ведении «Ураласбеста», и снабжающая электроэнергией часть его предприятий и Алапаевский металлургический завод. Также с 1927 г. строилась Челябинская районная станция (150 000 кВт), ее первая очередь — 44 000 кВт — должна была включиться в работу в декабре 1929 г., но ее пуск затянулся еще на полтора года.

Медленное строительство районных электростанций привело к созданию маломощных станций (Лысьвенская, Пермская-коммунальная, Челябинская, Златоустовская, Карабашская, Свердловская), которые вскоре после перевода района на снабжение от районных станций должны были демонтироваться или остаться лишь в резерве.

Необходимость ускоренной централизации электрификации в 1926–1927 гг. была связана с боязнью создания местных небольших и менее выгодных в экономическом плане электростанций. Поэтому с 1929 г. приступили к формированию энергосистемы, объединившей Северный, Средний и Южный Урал. Наиболее мощными в этой системе являлись Челябинская и Среднеуральская ГРЭС¹⁰. Но развитие энергетики на Урале не ограничивалось увеличением мощностей электростанций, входящих в Уралэнерго. Строятся станции при УЗТМ, Вишерском бумажном комбинате, Соликамском калийном руднике, Березниковском содовом и Первоуральском хромовом заводах. Но, несмотря на постоянный рост мощностей электростанций в регионе, уральская энергосистема испытывала в них большой дефицит¹¹.

По Генеральному плану развития электрификации, потребители электроэнергии охватывались 3 кольцами электропередач: северным, средним, южным, также выделялась группа потребителей, не получавших энергию от районной сети¹². Можно предположить, что на эти части и была разделена Уральская область в 1934 г.

Таким образом, административно-территориальное деление Урала как на областном, так и на районном уровнях реагировало на изменения в плане электрификации, правда, с отставанием в 2–3 года: создание плана ГОЭЛРО относится к 1921 г., Уралобласти — к 1923 г.; пересмотрен план в 1925 г., а в 1927–28 гг. произошла попытка пересмотреть низовое административно-территориальное деление, укрупнить районы; к 1932 г. количественные показатели плана выполнены, а в 1934 г. ликвидирована Уральская область.

Многие аспекты реализации плана электрификации на Урале кажутся спорными: во-первых, суть плана была не только в том, чтобы электрифицировать производство, но и в том, чтобы электроэнергия производилась в непосредственной близости с источником добычи топливных ресурсов. В случае же с Уральской областью, даже в рамках проекта Урало-Кузнецка рассматривались варианты перевозки либо угля на Урал, либо руды в Кузнецк, но не переброски энергии. По мнению Д. Верхотурова, экономические районы были связаны между

собой нерациональными перевозками топлива из Сибири на Урал с целью сохранения единства страны¹³.

Во-вторых, создаваемые сети железных дорог также можно рассматривать как неотъемлемую часть рационализации территориального устройства производства (т.е. как часть плана ГОЭЛРО), но Н. Березин отмечал, что центральные и региональные власти по-разному относились к железнодорожному строительству: железные дороги, финансируемые центром, как правило, строились в широтном направлении, а проектируемые регионом — в меридиональном направлении (они выполняли функции коротких подъездных путей к месторождениям)¹⁴. Подходы к развитию транспортной сети и региона у центра и Уральской области были разными. Если Урал делал упор на самодостаточность, стабильность и комплексность своего развития, на внутренние инвестиции (что уже тогда приводило к старению основных фондов предприятий), то для центра регионы были плацдармами передового развития наиболее выгодных, с точки зрения территориального разделения труда в рамках государства, отраслей.

В-четвертых, сама страна должна была выступать в качестве такого же макрорегиона, органично вписываясь в мировое территориальное разделение труда. Эти идеи сочетались с основополагающими взглядами марксистов на разделение труда и геополитической концепцией экспорта революции, что непосредственно отражалось на планах по электрификации: основными топливными ресурсами, по ГОЭЛРО, должны были стать уголь, торф, древесина. Опять же это отражалось на развитии Урала, который изначально восстанавливал свою промышленность на базе деревообработки (этим объяснялось присоединение Сибирских территорий к Уралобласти). Урал был относительно богат древесиной, тем не менее максимально возможный отпуск древесины на нужды металлургии обеспечивал выплавку до 75 млн пуд. чугуна, поэтому по плану ГОЭЛРО предусматривалось половину необходимого металла (150 млн. пуд. в год) выплавлять на минеральном топливе¹⁵.

Использование торфа как топлива в целом отвечало тенденциям территориального управления производством, сокращения перевозок, т.к. каждый округ мог вести добычу торфа на близлежащих торфяниках. Но на Урале невозможно было вести крупномасштабную добычу торфа из-за сезонности производства (60 дней в году в условиях Урала), сложностей в обеспечении рабочей силой, невозможности дальних перевозок торфа¹⁶. По плану ГОЭЛРО организация добычи торфа намечалась в Пермской и Вятской губерниях.

Что касается запасов угля на Урале¹⁷, то их было в 60 раз меньше, чем в Донцеком, и в 250 раз меньше, чем в Кузнецком угольном бассейне¹⁸. В перспективе данная проблема должна была решиться через создание Урало-Кузбасского комбината. Но он бы существовал как над-региональная структура, и тем самым способствовал разрушению территориальной системы управления и ликвидации Уральской области.

Другим возможным топливом являлась нефть, но она не использовалась на Урале в силу того, что создание нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности здесь началось с открытием месторождений нефти в Прикамье и Башкирии в начале 1930-х гг. Нефть являлась ценным экспортным продуктом, поэтому в течение 1920-х гг. Уралу сокращали и без того незначительный отпуск нефти¹⁹. По мнению А.А. Иголкина, нефть нужна была властям исключительно для получения валюты за рубежом, поэтому она в принципе не рассматривалась в плане электрификации²⁰. Таким образом, общая закономерность перехода к доминирующему источнику энергии (древесина—уголь—нефть—газ) в СССР оказалось деформированной.

Интересны оценки ученых плана электрификации: П. Жаворонков считает, в 1931 г. количественные критерии плана ГОЭЛРО были выполнены (суммарная мощность советской энергосистемы достигла 1,75 млн кВт), но с технической точки зрения шел процесс восстановления уже существующей электроэнергетической системы, во многом силами «нэпманов»²¹. По мнению Г.В. Копанева, выполнение плана ГОЭЛРО (программа минимум — 1931 г.) — первый опыт планового размещения — удался²². Но в книге «План ГОЭЛРО» 1955 г. ни о каких двух программах или этапах реализации проекта электрификации не говорится, хотя план дается в двух разрезах: территориальном и отраслевом; срок его выполнения очень размыт: 10–15 лет. Можно предположить, что отраслевые показатели развития в первое 10-летие не были достигнуты, поэтому начался переход к отраслевой системе управления, и с 1930 г. начинается постепенное разрушение территориальной (ликвидируются округа, появляются отраслевые синдикаты, а потом и наркоматы).

Подытожим: в плане ГОЭЛРО были заложены противоположные тенденции: регионального развития и форсированной индустриализации за счет поправа прав регионов. Позже, при создании Генерального плана и планов пятилеток, первый пошел по пути гармоничного развития региона, в то время как показатели пятилеток напрямую вели к деформации рациональной территориальной системы размещения хозяйства.

Задуманная комиссией ГОЭЛРО Уралобласть во многом оказалась противоречащей сути плана ГОЭЛРО (не соответствовала по территории и развитию региональных тенденций), и вскоре была ликвидирована в ходе его реализации.

Примечания

- ¹ Зубков К.И., Побережников И.В., Бакунин А.В., Бедель А.В. и др.
- ² Бедель А.Э. Формирование уральского промышленного комплекса в реконструктивный период. Автореферат диссертации. Свердловск, 1989. С. 9.
- ³ Гвоздецкий В. План ГОЭЛРО // Наука и жизнь. 2001. №5. С. 102–109.
- ⁴ Бухман Г. Берем из прошлого огонь, а не пепел // Энергетик. 2003. №38. С. 15.
- ⁵ Семченко А. Электрификация и районирование // Экономика. 1923. №4. С. 56.
- ⁶ ГАСО. Ф. 241р. Оп. 1. Д. 1064. Л. 13, 221–222.
- ⁷ ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 1164. Л. (начало).
- ⁸ ГАСО. Ф. 241р. Оп. 1. Д. 1106. Л. 14–16, 48.
- ⁹ Там же. Л. 14 об.
- ¹⁰ Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Екатеринбург, 2000. С. 87.
- ¹¹ Бедель А.Э. Формирование уральского промышленного комплекса в реконструктивный период. Автореферат диссертации. Свердловск, 1989. С. 11–15.
- ¹² ГАСО. Ф. 241р. Оп. 1. Д. 1055. Л. 34.
- ¹³ Верхотуров Д. План «Гозлро» // http://www.iet.ru/forum/topic.asp?TOPIC_ID=97 – 2003.
- ¹⁴ Березин Н. Перспективы развития железнодорожной сети на Урале // Хозяйство Урала. 1927. №1. С. 20.
- ¹⁵ Экономическая жизнь Уральской области // Экономика. 1926. №6–7 (37–38). С. 104
- ¹⁶ Саухат И. Рынки ископаемых углей на Урале // Хозяйство Урала. 1928. №12. С. 68.
- ¹⁷ На Урале были открыты Кизеловское, Кузнецкое, Челябинское, Богословское, Егоршинское, Алапаевское и Брединское угольные месторождения.
- ¹⁸ Экономическая жизнь Уральской области // Экономика. 1926. №6–7 (37–38). С. 104.
- ¹⁹ Саухат И. Рынки ископаемых углей на Урале // Хозяйство Урала. 1928. №12. С. 68.
- ²⁰ Иголкин А.А. ГОЭЛРО // <http://liber.rsuh.ru/Conf/Gosapparat/igolkin.htm>. 2003.
- ²¹ Жаворонков П. Бесконечный ГОЭЛРО (29.10.2001), Россию электрифицировали германские Siemens, Union и AEG // www.ko.ru/category.asp?ct_no=26. 2003.

Н.Н. Чернов (УрГЛУ)

300-ЛЕТНИЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ УРАЛЬСКИХ ЛЕСОВ

Использование лесов в горнометаллургическом производстве Урала началось со строительством первых горных заводов. Ботанические и лесоводственные исследования берут начало в первой половине XVIII в. Проведение их было обусловлено потребностями освоения восточных земель в России и вовлечения их в хозяйственный оборот. Первоначально исследования носили флористический характер и лишь в конце XIX — начале XX вв. исследования стали принимать прикладной характер. Первыми ботаниками, исследовавшими Урал, были Мессершмитт (1720–1726 гг.) и участник Камчатской экспедиции И. Гмелин (1733–1734 гг. и 1741–1742 гг.).

Оренбургская экспедиция Академии наук России тремя отрядами началась в 1768 г. Руководили отрядами акад. П.С. Паллас, проф. И.П. Фальк и адъютант (с 1771 г. академик Российской академии наук) И.И. Лепехин. Все три отряда в той или иной мере обследовали Урал. Акад. П.С. Паллас обследовал, в частности, Степной Урал, И.И. Лепехин Средний Урал, проф. И.П. Фальк Южный Урал.

Капитан Н.П. Рычков в 1769–1770 гг. обследовал районы между Волгой и Уралом, в том числе в пределах Пермской и Уфимской губерний. Он обратил внимание на обширные леса этих губерний.

В инструкциях, которыми снабжались эти экспедиции, лес в качестве самостоятельного объекта исследований не значился. Тем не менее, в материалах постоянно встречаются описания отдельных древесных пород и лесного покрова в целом. В одних случаях авторы описаний ограничивались указанием на наличие леса, в других давали краткие характеристики: большой, огромный, густой, дремучий, перелески, чернолесье, красный лес, бор, дубняк, сосняк, ивняк, березняк, вязник и т.д., приводилось описание живого напочвенного покрова (травы, цветы, грибы, ягоды и т.д.). Нередко встречались указания о географическом распространении различных древесных пород. Отмечалась хозяйственная значимость тех или иных древесных и травянистых растений. Имели место отдельные попытки рассматривать лес как взаимосвязанную систему растительного и почвенного покровов, отмечались смены древесных пород и другие особенности лесного покрова.